Андрей Хуснутдинов

«ДАНАЙЦЫ»

роман

Андрей Хуснутдинов
«ДАНАЙЦЫ». Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9367544
ISBN 9785447406646

Аннотация

По выходе на стартовую орбиту «Гефест» теряет связь с Землей. Космонавты слышат в эфире переговоры командного пункта с неизвестными, которые говорят их голосами. Кораблем управляет кто-то извне. Чтобы выжить, «Данайцам» придется вспомнить все, что предшествовало их миссии, заново открыть друг друга.

Содержание

Авторское предуведомление 5
Часть I 7
Конец ознакомительного фрагмента. 53

«ДАНАЙЦЫ»
Роман

Андрей Хуснутдинов

Фотограф Siyan Ren

© Андрей Хуснутдинов, 2018
© Siyan Ren, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4474-0664-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Авторское предуведомление

По джентльменскому договору между автором и человеком, сообщившим ему о существовании Проекта и предложившим использовать свой рассказ для «беллетризованного изложения», роман – буде таковой состоится – не должен быть препровожден комментарием. Условие это следовало за целым рядом других. В число их Свидетель (назовем его так) заносил свое право изымать из текста куски, которые покажутся ему либо чересчур коррелирующими с действительностью, либо не связанными с нею вовсе. Однако достопамятный день 12 апреля 20…1 года, сведший за праздничным столом автора и Свидетеля, оказался единственным днем, когда они видели друг друга. Год спустя, 12 апреля 20…2 года, Свидетель позвонил автору с вопросом о «продвижении» текста, а так как автор к тому времени успел благополучно забыть застольную беседу (да и, по правде говоря, не сразу мог вспомнить звонившего), разговор тем и кончился. И если бы не ясные нотки облегчения, явившиеся в голосе Свидетеля после того, как он узнал о состоянии дел с беллетризованным изложением его «пьяного бреда», если бы не поспешность, с какой стал прощаться, – кто знает, быть может, не было бы и романа. Но роман вот он.

Метод письма, volens-nolens заданный требованием

не слишком соотноситься с реальностью и не слишком бежать ее, оказался плодотворным, но некоторые вещи поэтому не вошли в роман. Угодило под нож – как «чересчур соотносящееся» – упоминание о том, что ЭПАС, совместный полет «Аполлона» с «Союзом-19» в июле 1975-го, был всего лишь пробным камнем Проекта. Вытравлены малейшие намеки на то, что информация о подоплеке Проекта, просочившаяся в западную печать, вылилась в критику не самого Проекта, но американской лунной программы, якобы фальсифицированной. Кстати, именно существованием Проекта Свидетель объяснял сворачивание Советским Союзом подготовки пилотируемого полета к Луне – на то был секретный пакт с НАСА. Гагарин, всю жизнь грезивший Луной и незадолго до катастрофы в 1968-м вдруг заговоривший о полете на Марс, погиб только потому, что отказался участвовать в Проекте. Его смерть Свидетель связывал с убийством Кеннеди-младшего в том же году, – оговариваясь, однако, что это его личная версия, которая требует уточнений.

И последнее. Сейчас, по прошествии времени, у автора вызывает легкую оторопь тот факт, что один человек – женщина – мог спутать карты военным, но даже сейчас автор не подвергает сомнению подлинность события, столь безответственно переложенного ему Свидетелем. Да, впрочем, это и не его, автора, дело.

Timeo Danaos…

Часть I

С самого детства мне везло в том, что называется быть виноватым без вины. С самого детства я привык к тому, что если у кого-нибудь из моих друзей – или недругов – оказывался расквашен нос, я узнавал об этом нередко из тех же уст, что предъявляли мне обвинение в содеянном. При всем при том у меня не было репутации хулигана. Или, напротив, я не был настолько безволен, чтобы ходить в козлах отпущения. Это было что-то вроде судьбы.

У нас в университете рассказывали такую историю. Одна студентка вышла замуж за человека, которого убили на следующий день после свадьбы. Время спустя погибший муж стал являться ей во сне. Несчастная обращалась к врачам, но те либо прописывали ей лошадиные дозы снотворного, либо называли кошмары «естественной реакцией». Она завела себе нового друга, она пыталась спать при включенном свете, пыталась не спать вообще – все без толку. И вот однажды погибший жених назначает ей свидание. Условия таковы: на другой день она должна прийти в определенное время к известному месту, где он будет ждать в черном костюме, с букетом роз. На следующий день она пересказывает этот сон подругам, которые, конечно, советуют ей никуда не ходить и даже заявляют, что никуда не пустят ее. Однако незадолго до назначенного часа она убегает от них. Она ловит

такси и едет на свидание. У нее истерика. Она отпускает машину недалеко от условленного места и бежит через дорогу, где гибнет под колесами грузовика. Одни очевидцы трагедии – а это чуть не половина университета – божатся, будто бы видели в толпе кого-то в черной паре, с букетом роз, а другие – вторая половина – утверждают, что *черный* автомобиль, послуживший орудием несчастья, якобы принадлежал цветочнику и перевозил розы.

История эта отдает мистификацией, однако я склонен верить ей. Несмотря на то, что, как затем выяснилось, речь в ней идет о моей жене.

С Юлией мы познакомились много позже. Историю эту она знала не хуже моего. И не меньше меня была удивлена, когда незадолго до старта один из моих университетских приятелей – ее однокурсник, не знавший, впрочем, что мы женаты – в телефонном разговоре открыл мне имя несчастной вдовы.

– Тебя сбивала машина? – спросил я ее.

– Нет.

– Ты была замужем?

– Нет.

– Ты что-нибудь понимаешь?

– Нет. А ты?

А я понимал: судьба.

О чем-то таком, кстати, нас предупреждали психологи. В том смысле, что за полгода до старта психика наша начнет

выбрасывать коленца. Но кто же знал, что будет этот дурацкий телефонный звонок? А за свою психику я был спокоен. Не говоря уже о Юлии. Единственной нашей причудой следует признать мысли о покупке дома. Дома, который останется ждать нас на Земле все двадцать лет. Но, во-первых, те же психологи поддержали нас; во-вторых, решалась проблема наших выходных; в-третьих, мы, наконец, могли начать тратить наш космический гонорар. Теперь в выходные мы садились в машину и ехали на поиски Дома. Как правило, мы ехали на побережье. Как правило, ничего подходящего не было, мы останавливались в какой-нибудь пустующей гостинице, гуляли по мертвым пляжам, покупали янтарные поделки, и, в общем, неплохо убивали время.

*

Тот – *наш* – дом мы нашли случайно. У машины спустило колесо, а в багажнике не оказалось нужного ключа. Разделявшая сосновую рощу дорога была пустынна. Охрану тогда уже не посылали за нами – от кого нас тут было охранять? Метрах в десяти позади нас к шоссе примыкала неширокая просека, мы проскочили ее. Я дал задний ход и свернул на нее.

Вглубь рощи уходила грунтовая дорога. Обочины поросли волчьей ягодой. К старой сосне была приколочена заветревшаяся фанерная стрелка. Сам дом – красного кирпича, о двух этажах, с узкими окнами и оцинкованной четырехскатной крышей – прятался за вересковым холмом, под се-

нью могучих кленов. Все пространство вокруг него, словно пролившейся краской, было заполнено багряно-золотой листвой, и после однообразного мельтешения сосняка это представлялось каким-то озорством, чудом. Тут же, в застывшей огненной гуще листопада, тонул белый бельведер и пара шезлонгов.

Оставив машину, мы осматривались. Через рощу сквозило море. Пахло намокшим камнем. Огибая холм, дорога мельчала, и на невидимом, терявшемся ее скончании лежало заклеенное листьями бетонное крыльцо, по которому нужно было не подниматься, а спускаться. Продолжением чуда была табличка на входной двери: «Продается».

Опоздав постучаться, мы напугали хозяйку, миниатюрную женщину лет шестидесяти, близорукую и подвижную, словно ртуть. Она не слышала, как мы подъехали, и отперла дверь, глядя на часы. В руках у нее был пустой рюкзак и связка ключей. Едва оправившись от испуга, она улыбнулась нам как старым знакомым; ни о чем не спрашивая (кроме одного – моих прав, которые просмотрела сощурившись, будто рассматривала насекомое), сказала, что мы в самое время, потому что ей нужно на берег, продукты в холодильнике, постели свежие и проч. Мы не успели и рта раскрыть, как связка ключей перекочевала из ее рук в мои и, закинув рюкзак за спину, она уже бежала в сторону моря. Мысли о недоразумении не покидали нас до вечера, когда женщина позвонила узнать, как мы устроились. Нет-нет, ни с кем она нас

не спутала, она пускает постояльцев, правда, сейчас мертвый сезон, зима не за горами, и опять бы заговорила меня, если бы я не вспомнил, зачем мы здесь, и не спросил, сколько она просит за дом. Помешкав, она назвала цену. Я ответил: «Хорошо», – и положил трубку. В делах с недвижимостью я уже считал себя докой. Цена показалась мне смехотворно низкой: в два, в два с половиной раза меньше того, что обычно просили за такие дома.

Мы с Юлией пошли прогуляться к морю, но скоро вернулись из-за сильного ветра, поужинали тем, что нашли в холодильнике, и легли спать довольно рано, что-то около восьми часов. В два часа ночи я проснулся оттого, что почувствовал, что Юлии нет рядом со мной. И в самом деле: ее половина постели пустовала. Я вышел из дома. Входная дверь была не заперта. В свете луны – неверном свинцовом полумраке – рядом с нашей машиной я разглядел другую, черного или, быть может, темно-синего цвета, с зажженными подфарниками. Вокруг дома ходили какие-то люди. У каждого из них был фонарик, благодаря чему я мог без труда пересчитать незнакомцев – четверо. Они о чем-то говорили между собой, однако я не разбирал отдельных фраз или слов. Тем не менее было очевидно, что они прицениваются к дому. Самый рослый из четверки, судя по высоте, на которой порхал его фонарик, был их проводником, ибо фонарик не только взлетал выше прочих, но и двигался быстрее, вычерчивая сложные траектории, за его лучом следовали остальные. Я не стал

окликать этих людей, но, убедившись, что жена не выходила из дома, запер дверь и продолжал искать ее внутри. Она спала в кабинете на диване. Разбудив ее, я спросил, почему она ушла из спальни и открыла дверь. Она молча отвернулась к стене. Я пожал плечами, опять пошел во двор и следил за незнакомцами. Фонарики скучились возле бельведера, но теперь были неподвижны, скорей всего, прикреплены к деревьям. Раздавалось странное, похожее на шум разрываемой бумаги, приглушенное шарканье. «Да какого черта», – подумал я и решил сходить узнать, чем заняты наши полночные гости. Как-никак, а уже наполовину я чувствовал себя хозяином дома. Не слышать моих шагов по сухой листве незнакомцы не могли, а между тем они ничуть не реагировали на мое приближение. Но это еще куда ни шло. В перекрестном свете фонариков я увидел, что они роют яму. Это была могила. Дар речи покинул меня, с открытым ртом я глядел, как яма наполняется бурлящей водой, как методично незнакомцы погружают в нее свои лопаты и, по-прежнему не замечая меня, обмениваются репликами на каком-то неизвестном, лающем языке…

Никогда, ни до, ни после в своей жизни, я не испытывал ничего более гадкого. Быть может, я оттого так подробно и описываю этот кошмар, что воспринимаю его не как игру воображения, но как действительное происшествие – я не шучу. Да и как относиться к нему иначе, если события следующего дня есть *прямое* его продолжение – его, и ничего

другого, ибо никакой связи между этими событиями и всем, что было накануне, я не вижу.

Начать с того, что поутру я и в самом деле не обнаружил Юлии рядом с собой (хотя обычно просыпаюсь первым), а нашел ее сидящей в бельведере. И с каким выражением на лице она встретила меня! Ведь можно было подумать, я смертельный враг ее и иду к ней не с тем, чтобы пожелать доброго утра, а чтобы ударить. Это, по-моему, была первая наша «склока на разрыв» (выражение Юлии). Впрочем, бушевал я один. Юлия и голоса не повысила. На ней был широкий грубый свитер, она куталась в него от ветра, но вместе с тем давала понять, что прячется не столько от ветра, сколько от меня, от моего голоса, и это только распаляло меня. Господи, и чего я ей только не наговорил. Я думал, что между нами все кончено, что я потерял ее навсегда, и старался уколоть ее побольнее, унизить так, чтобы помнить хотя бы ее унижение.

Потом, вернувшись в дом, я ходил по комнатам, ронял какие-то чернильницы, книги, искал лестницу на второй этаж, но, не находя ее, опять что-то ронял и даже умудрился рассыпать коробку с гвоздями. Во мне боролись несколько взаимоисключающих порывов. Я хотел поскорей уехать из этого чертова дома, но в то же время хотел снова видеть Юлию, хотел мириться с ней и обижать ее, хотел идти искать хозяйку, сбивать ее в цене – в общем, вел себя как ребенок. Юлия ушла на берег, я включил телевизор и листал старые журна-

лы. Чем больше я приходил в себя, тем больше был готов сгореть со стыда. Впервые со вчерашнего появилось солнце. На одном из шезлонгов сидела огромная чайка. Я прочел от корки до корки статью о выращивании тепличных помидоров, запер дом и тоже пошел к морю.

Было солнечно и свежо. По дороге я придумал целую извинительную речь, но не успел показаться из-за деревьев понад берегом, как все слова этой речи вылетели из головы. Я увидел, что Юлия прогуливается по пляжу с каким-то молодым человеком. Обращаясь к ней, тот то и дело дотрагивался до ее локтя. Карман его черной штормовки оттопыривала бутылка пива. Улыбаясь, Юлия подбрасывала на ладони камешек. Из-за шума волн я не слышал, о чем они говорят, но видел, что всякое обращение молодого человека служило только прелюдией к тому, чтобы он снова мог коснуться ее локтя. По-настоящему, однако, меня обеспокоило нечто другое. В движениях Юлии чувствовалась скованность. То было не волнение, а некое затаенное ожидание. В сочетании с улыбкой, с ее особой манерой поджимать губы, это ожидание могло читаться как угодно – как обещание, например, и, судя по всему, так и расценивалось молодым человеком.

В следующую секунду, подумав о том, что череда моих мистических переживаний благополучно продолжается, я отступил за деревья. Спутник Юлии – во всяком случае, на том расстоянии, что разделяло нас – был как две капли воды похож на одного ее друга детства, которого я хоро-

шо знал. На всех ее школьных фотографиях они сидят либо на сдвинутых стульях, либо стоят плечом к плечу. Она сохранила его письма, которых не скрывала от меня, но, странное дело, на всех конвертах был замазан обратный адрес и имя отправителя. Помню и другое его послание: распиленное пополам издание «Ромео и Джульетты» со зловещими ржавыми пятнами на корешке и обрывавшейся надписью на титуле: «Дорогому…» Юлия приглашала его к нам в Центр, три или четыре раза мы ужинали вместе, но я не припомню, чтобы хоть раз она и ее гость обратились друг к другу по имени. Я жалел беднягу и злился на нее – не потому что ревновал, а потому что она продолжала поддерживать в нем надежду. Он напоминал мне разгримированного клоуна, который пытается смешить прохожих. Я видел траур под его ногтями, пятна и складки на его костюме, видел, как быстро краснеет от выпитого его лицо, но, вместо того чтоб встать и пойти прочь, оставить их вспоминать прошлое самдруг, сидел как прибитый к стулу. Больше всего меня почему-то раздражала его манера ни с того ни с сего задерживать ложку и снимать пальцами с губ что-то невидимое. Я даже поинтересовался у Юлии, что значат сии фокусы. Она ответила, что это собачья шерсть, он держал водолаза. Не знаю, добивала она его или жалела, а только немного времени спустя он погиб в пьяной драке. Она отлучалась к нему на похороны и сидела у гроба. И вот теперь я не смел казать носа из-за деревьев, потому что знал: стоит мне появиться на пляже,

как повторится какая-нибудь сцена ужина, чего доброго еще, у этого пляжного Казановы окажутся грязные ногти.

Я возвратился в дом. Вся давешняя гадость поднималась во мне. Юлия пришла часом позже и протянула мне бутылку пива. Мы опять поругались. В этот раз я собирался куда-то ехать и даже завел машину. Не знаю, какая муха меня укусила, но теперь мне было ничуть не совестно вменять Юлии в вину ее несчастного одноклассника. Приготовив обед, она в одиночку поела и снова ушла в бельведер.

Раздался звонок. Это был автомеханик. Хозяйка дома передала ему, что у меня проколото колесо, он мог приехать подлатать его. Я не помнил, чтобы говорил хозяйке про колесо, но, конечно, был не против подобной услуги.

К дому вскоре подкатил фургончик. На обшарпанном борту красовался потухший вулкан в виде пробитой покрышки с надписью «Вулканизация». Механик, пышноусый старик с прокопченной шеей и с погашенной трубкой в зубах, без лишних слов направился к нашему авто и стал откручивать колесо. На мое приветствие он только выставил подбородок. Работа у него спорилась. Сняв колесо, он крикнул в направлении фургончика:

– Карл!

Внутри фургончика стукнуло, задняя дверца его отворилась, и я увидел того самого молодого человека, что гулял с Юлией по пляжу. Это был сын механика. Карман его штормовки по-прежнему оттягивала бутылка пива. Вблизи, ко-

нечно, он и грамма не походил на одноклассника Юлии. Не поздоровавшись со мной и, похоже, вовсе меня не заметив, он подхватил колесо и унес его в фургончик. Старик вынул изо рта трубку и закурил сигарету. Через пять минут все было готово. Карл подкатил колесо к отцу, а мне протянул черный гвоздь, прибавив:

– Возвращайтесь другой дорогой.

– Иди, – сказал ему отец, потушил окурок, опять сунул в зубы трубку и стал привинчивать колесо к ступице.

Карл развернулся, и тут с ним приключилась некая неуловимая метаморфоза. Он клоунски, юродиво сгорбился, голова его ушла в плечи, будто он приготовился к удару. Завороженно и даже с опаской я смотрел, как он достает из кармана бутылку и крадется к бельведеру. Старик начиркал на мятом листке счет и с явным неудовольствием протянул его мне.

«Недурно», – подумал я. Такие вот мятые листки мне иногда показывают на улице глухонемые.

– Наличными, – добавил старик.

Я подал ему купюру, при виде которой у него зашевелились усы и трубка накренилась так, что стало видно опаленное дно чашки.

– У меня нет сдачи.

– И не нужно. Тут еще за две бутылки пива. И поторопите Карла.

– Карл! – Старик спрятал деньги и пятился к фургончику. – Карл, чтоб тебя! Поехали!..

Полпути от бельведера Карл проделал бегом, но перешел на шаг, этакий салонный аллюр, и, прежде чем запрыгнуть в кабину, с напускной учтивостью поклонился мне. Фургончик чихнул, с урчанием выбрался на дорогу и пропал за холмом.

Юлия по-прежнему сидела в бельведере. Делая вид, будто осматриваю дом снаружи, пару раз я подходил к беседке, но она не обернулась ко мне. На рукаве ее свитера темнело мокрое пятно, открытая бутылка пива стояла на рассохшемся столике. Зайдя снова в дом, я взял из холодильника другую бутылку, пошел к морю и бродил по обнажившимся мелям.

– И черт с тобой, – шептал я, – и черт с тобой…

Это, конечно, сейчас, так сказать, с высоты положения, я могу объяснять себя. Это сейчас я знаю, что все наши скандалы объединялись простой схемой: я был рупором возмущения не столько своего, сколько возмущения Юлии, собственным горлом я доказывал ей *ее* же правоту. Но чего я не могу понять до сих пор, так это того, как не ясно нам было тогда, что не дом мы выбираем себе, не то, что будет ждать нас двадцать лет – Господи, и к какой только лжи мы не были расположены, – а то, что будет *напоминать* о нас, *памятник*. Двадцать лет! Да что мы могли знать о столь чудовищном сроке? Что мы знаем о нем теперь? А вот когда нас впервые припекло по-настоящему – у *нашего собственного* дома, – вот тогда мы и стали хвататься за то, что было под руками:

за Карла, за одноклассников, за ревность, за бутылки. Впрочем, и тут, если можно так сказать, мы старались соблюсти *приличия*. Более того, когда все наши нехитрые декорации уже трещали по швам, и правда какой-то безобразной громадиной пёрла на нас, мы шли в соблюдении этих приличий до конца. Ведь мы все-таки купили дом. Оговаривая детали сделки с хозяйкой, я все хотел спросить ее, зачем нужно было разбрасывать гвозди на дороге, разве не было других способов привлечения покупателей? – но, конечно, так и не решился. Не было бы гвоздя в колесе, не было бы и сделки. Все тут явилось на своих местах. И я соблюдал *приличия*. И даже после того как, не моргнув глазом, эта ведьма отвергла мою просьбу – показать лестницу на второй этаж, которого я еще не смотрел, – я только понимающе улыбнулся. Потому что *«никакой лестницы и, уж подавно, никакого второго этажа для вас не должно существовать. Забудьте об этом. Да это и не учитывалось в цене»*.

Вечером того же дня мы тихо справили новоселье – какой-то бакенщик на пляже, видя, как я брожу по отмелям с бутылкой пива, неожиданно предложил шампанского. Тоже, между прочим, по сходной цене.

*

День старта выдался как на картинке. В небе было ни облачка. На смотровой площадке играл духовой оркестр. Из пожарной машины зачем-то поливали жухлую траву вокруг площадки, отчего пахло размокшим огородом. Теле-

визионщики препирались с пожарниками – вода попадала на аппаратуру. Из толпы, помалу шалевшей от весеннего солнца и безделья, нам кричали прощальные глупости, которых мы почти не слышали из-за оркестра, и бросали букеты цветов, от которых ветер доставлял одни трескучие оболочки. Кругом нас лежала такая огромная и плоская степь, что, казалось, дальше нее уже нет никакой земли.

Пока мы не сели в белоснежный, разряженный свадебными лентами автобус космодромной службы, я и думать об этом не думал, но когда толпа на смотровой площадке расплылась мерцающей маревной жижей и впереди стал расти колоссальный сталагмит ракеты на стартовом столе, я не выдержал, взялся рассказывать Юлии свой сегодняшний сон. Ей-богу, не понимаю, что на меня нашло. Ей мешал шлем скафандра, она не с первого слова расслышала меня, нахмурилась: «Что?» – а я, вместо того чтоб замять разговор, подвинулся ближе и продолжал рассказывать. Дело в том, что все последнее время мы жили как бы среди нескончаемого праздника – пресс-конференции, банкеты с присутствием важных особ, телевидение, охи-ахи (как же мы, бедные, выдюжим *столько*), вокруг нас, как вокруг рождественской елки, шло постоянное застолье, – но, видимо, любая деятельность, и самая праздничная, требует хоть на время забвения своего. Вот и приснился мне этот сон, вот и стал я наушничать Юлии, что облететь Юпитер должна не наша ракета-красавица, а затхлый подвал с подозрительными лично-

стями, и что мы с Юлией – одни из членов подвальной братии, такие же подозрительные личности.

– И что? – спросила она.

Губы ее поджались и побледнели.

Я отодвинулся.

– Ничего.

До стартовой площадки мы больше не проронили ни слова. Команда сопровождения деликатно помалкивала, все как один глядели в окна, на то, как неподалеку от автобуса тащило по полю сорванное полотнище плаката. «Впервые… Солнечной… покажем…» – удалось мне прочитать, прежде чем плакат швырнуло под колеса автобусу. «Покажем», – это, сколько я мог понять, касалось американцев, сделавших свой запуск тремя днями раньше, но с более скромными намерениями – с облетом Марса, по-моему.

По выходе из автобуса – сопровождавшие остались на бетонке, а до трибуны «помпезной» комиссии предстояло топать метров сто – Юлия шепнула мне:

– Вот вечно у тебя так, не можешь… Оставь! – и вытащила локоть из моих пальцев.

Минуту-другую время мы так и шли – она с занесенным локтем, а я позади на полшага с раскрытой ладонью.

Члены комиссии были знакомые все лица, свадебные генералы, ястребы-пердуны, трясли нам руки так, будто от этого зависело их повышение по службе. И что удивительно: тысячу раз я воображал себе эти минуты перед стартом, что

и говорить, волновался до глубины души, а наступило время, и – ничего. Не было во мне не то что страха, а даже малейшего волнения не было, смотрел я на побледневшую Юлию, на пердунов, ворковавших ей о чем-то в три рта, и смешно мне делалось, что хоть опускай забрало.

Это уже потом, в лифте, на высоте третьей ступени, когда земля расстелилась, словно на журнальном столике, когда ничего не стало слышно, кроме порывистого завывания ветра, когда белоснежный, бесшумный наш автобус двинулся обратной дорогой, и мы увидели, какой он крохотный, а толпы на смотровой площадке не могли разглядеть и вовсе – молочная дымка уже покрывала ту часть Земли, – вот только тогда до меня дошло, *что* происходит на самом деле, и я мог почувствовать, что сообразно движению лифта как будто нечто истончается и пропадает во мне самом – так же, как пропадал в молочной дымке наш белоснежный, бесшумный автобус.

*

Несмотря на то что это был первый наш старт (исключая тренировочные), одна вещь не нравилась мне давно – что крохотные иллюминаторы командного отсека открывают вид лишь на глухую полость головного обтекателя. Было душно и, если сидеть неподвижно, чувствовалось, как огромная масса ракеты медленно ходит туда-сюда.

Час, а то и больше, мы просидели в тишине. Времени этого, по моим расчетам, было достаточно, чтобы все на-

ходившиеся на стартовой площадке разошлись по укрытиям и ЦУП объявил предстартовую готовность. Но, видимо, еще оставалась какая-то ручная работа. Подняв в который раз взгляд к иллюминаторам, я не поверил глазам: на одном из створов примостилась желтая бабочка. Как она забралась на такую высоту, в ветер, как смогла незамеченной прошмыгнуть в люк? Я постучал по бронированному стеклу, вынуждая нашу случайную гостью искать убежища. Бабочка пропала – не видно было и взмаха крыльев, просто ее не стало, и все.

– «Данайцы», «Данайцы», – послышался наконец в наушниках голос руководителя полета. («Данайцы» – это наши позывные и, полагаю, инициатива кого-нибудь из ястребов-пердунов, не чуждых героической романтики.) – «Данайцы», обратный отсчет.

Я хотел почесать подбородок, но только стукнул себя по забралу.

Юлия нащупала мою руку. Перевернув ладонь, я сжал ее пальцы. В толстенных перчатках, наверное, сей романтический жест вышел неуклюжим, мы стали похожи на парочку, собравшуюся прыгнуть в воду. При команде «Пуск» мы ничего не почувствовали. Потом возникла и стала нарастать вибрация. Это было похоже на землетрясение. Ракету стало так кренить, что мне показалось, мы опрокидываемся, у меня даже карандаш выскочил из зажима. Но ракета восстановила равновесие, ее повело в обратную сторону, и так, с убы-

вающей амплитудой, несколько раз. Гром выхлопа первой ступени едва проходил сквозь толстые стенки капсулы, разжижался до рокочущего гула, напоминавшего морской, зато несносная вибрация старалась вовсю, восполняя недостаток шумового эффекта. Из-за тряски я и не сразу догадался, что мы летим – и то благодаря тому, что почувствовал, как меня вжимает в кресло, как ослабевают ремни. Это был сущий ад, и я заявляю, что воспроизвести его не способен ни один тренажер – по крайней мере, из тех, на которых мне довелось работать. Может быть, весь фокус тут заключался в новых двигателях, но для нас с Юлией это было слабым утешением, мы не были готовы к такой встряске.

*

Разбитые и взмокшие, мы опомнились на орбите от того, что именно как бы воспарили, понеслись куда-то с умопомрачительной скоростью. Так, с отделением третьей ступени, сделалась невесомость. В иллюминаторах, несмотря на слепящее солнце, высыпали звезды.

ЦУП не жалел нас: предстоял выход на стартовую орбиту, одной автоматикой тут было не обойтись. Нам дали ровно пять минут на то, чтобы избавиться от скафандров и привести себя в порядок. День, начинавшийся размеренно и торжественно, будто вступление к целой неделе без захода солнца, скомкался за какие-нибудь два часа. Чередования невесомости и перегрузок, вызванных поминутными включениями корректирующих двигателей, доконали Юлию, у нее по-

шла носом кровь. Я попросил у Земли разрешения открыть жилой отсек, но получил отказ: одна за другой следовали корректировки орбиты. Я протянул Юлии салфетку. Она отвернулась с таким видом, будто это я был виноват в том, что у нее идет кровь. В конце концов от непрекращающихся орбитальных поправок у меня тоже открылось кровотечение, и я, зажав нос, спросил, чем вызваны сии позывы на каллиграфию: мы целимся проскочить сквозь огненный обруч в пустоте?

– Почти, – был ответ из ЦУПа. – Через десять минут – нарушение связи. Ухóдите в тень.

– В какую еще тень? – не понял я.

– «Данайцы», идем второй старт пораньше.

Нет худа без добра, подумал я: чем раньше включим маршевые двигатели, тем быстрее покончим с этой чехардой.

Второй старт прошел без сучка без задоринки.

Изумрудная чаша Земли стала опрокидываться нам за спину. Это было как во сне: хотя двигатели работали в разгонном режиме, не чувствовалось даже намека на вибрацию. Я собирался перейти на автоматическое управление, как с Земли поступило новое неожиданное распоряжение:

– «Данайцы», в течение трех минут – полная тяга. Недобрали по курсу. Как поняли?

– Вас понял, Земля, – ответил я. – Почему полная?

– Дайте подтверждение, три минуты – полная тяга, чуть-чуть не добрали… – Голос оператора с ЦУПа как будто за-

сыпало песком, связь нарушалась.

Прикинув в уме наше ускорение в течение этих трех минут, я обернулся к Юлии:

– Три «же»?

Она промолчала.

*

Связь с Землей еще не восстановилась, а я принялся распечатывать вход в жилые отсеки: хотелось поскорей увидеть нашу «квартиру». Но отчего-то заклинило люк. Точно такой люк на Земле мне приходилось открывать раз сто, если не больше, и, тем не менее, я решил начать заново, не торопясь. Однако и во второй раз люк не поддался мне. Все, чего я добился, так это того, что отлетела заслонка с контрольного окошка. Свет в жилых отсеках был погашен, я только мог видеть в стекле свое собственное отражение. Оставалось ждать восстановления связи. Я глядел в иллюминатор на Землю. Мне вспомнилось, как однажды в детдоме, не имея возможности попасть в запертый школьный буфет через дверь (меня оставили без обеда за какую-то провинность), я пробрался в него через окно. Вздорное воспоминание это почему-то долго не оставляло меня. Под видом того, что рассматриваю нечто в рябовато-облачной линзе Атлантического океана, я прижался виском к стеклу и закрыл глаза.

*

Однако спустя и час, и три, и шесть часов после старта все оставалось по-прежнему: связь отсутствовала, люк был за-

крыт. И только Земля удалялась от нас – иногда, если смотреть на нее пристально, возникало забавное ощущение того, что она всего в нескольких метрах от корабля, этакий волшебный фонарь размером с настольный глобус, висящий в пустоте.

По инструкции, в случае нарушения связи нам следовало придерживаться штатного расписания полета в течение ста двадцати часов. Можно было, конечно, считать, что именно это мы и делали – вернее, делал наш главный компьютер, не нуждавшийся ни в душе, ни в туалете. Не знаю почему, но мне думалось, что в соответствии с той же инструкцией и мы не должны были испытывать потребности в душе и в туалете сто двадцать часов.

В комплекте ЗИП №1, предназначенном для внешних работ, находилась дисковая пила. Ее использование внутри корабля запрещалось категорически, но все произошло как по наитию, ни о каких запретах я и подумать не успел. Замок со срезанным предохранителем выскочил из цилиндра, крышка люка с ленивым чмоком герметика откинулась на петлях.

– Там… – стал я оправдываться не то перед Юлией, не то перед самим собой, заталкивая пилу обратно в ЗИП. – Мы… пылесос… сейчас… – С этими словами я полез в люк и, минуя стыковочный узел, спустился в жилой отсек.

*

Сначала я подумал, что ошибся дверью, ей-богу, на лице

у меня была улыбка дурака, жертвы розыгрыша.

Предбанник жилого отсека оказался забит невообразимым хламом. Искореженные куски пластика, огрызки досок, промасленная бумага, дырявые проржавевшие канистры, книги, ошметья кабелей, жирные комья не то гудрона, не то глины, – все это лежало такой чудовищной и вместе с тем цельной кучей, что невольно напрашивалась мысль о мусорном баке, но никак не о жилом отсеке космического корабля. Пару раз я даже закрывал глаза, надеясь, что мусорная фата-моргана рассеется сама собой. Но ничего, разумеется, не рассеялось.

Юлия смотрела на меня через люк, я позвал ее спуститься вниз.

В руках у нее были часы – я почему-то обратил на них внимание. Она пыталась надеть их и, встав рядом со мной, продолжала возиться с неподатливым ремешком. Как будто самое важное для нее сейчас были часы. Она, впрочем, так и не надела их, спрятала в карман и, поджав губы, вытащила из груды хлама какую-то книгу без обложки, взяла двумя пальцами за край и разглядывала, словно лягушку.

Признаться, если бы она начала задавать вопросы, я бы стал нервничать, может быть, кричать. Но, не сказав ни слова, с самым серьезным видом она принялась исследовать хлам. И я, уже приготовившийся к погружению в восклицательную чушь, передохнул, отёр испарину со лба и тоже взялся разгребать хлам.

Нам нужно было добраться до следующей двери, из предбанника в собственно жилой отсек, но, как выяснилось, двери этой вообще не было. Голое, без рамы, отверстие в полу прикрывал гнутый лист фанеры с надписью «Не бросать». Отодрав фанеру, я пошарил в черном отверстии рукой и невольно отдернул ее: ток горячего, влажного, как из бани, воздуха коснулся пальцев. Юлия подала мне фонарик, но луч его вязнул в клубах пара, точно в снегу. Нам были видны лишь собственные руки. Я взял обрезок доски и бросил его в дыру. Мое тело и мысли как будто делились между собой. Я что-то еще бросал в дыру, а мысли трусливо, наперебой шептали мне, что дыра бездонна и что только этим можно объяснить отсутствие звуков падения – ведь их, звуков-то, я и не слышал.

– Нужно, – обратился я к Юлии, задыхаясь, – что-нибудь длинное… Палку какую-нибудь.

– Нет, – ответила она. – Туда нужно спуститься и закрыть воду.

– Какую воду?

– От которой пар.

Ее присутствию духа можно было позавидовать. То, к чему моя мысль пробивалась с таким трудом, Юлия определила практически с первого взгляда, наверняка. Пар – значит, где-то протекает вода и что-то ее нагревает. Не слышно звуков падения – значит, что-то их скрадывает, скорей всего, что-нибудь мягкое.

Спустившись в дыру по тросу, я оказался на мокром тюке. Тюк этот занимал всю площадь отсека, я ходил по нему, как по сжиженному облаку. Под тюком и по углам отсека пузырилась вода.

«Да ведь это спальня», – осенило меня.

На месте тюка должна была находиться наша спальня. В макете корабля на Земле в этой спальне мы прожили сутки. Обшитые орехом стены, столики под дуб, имитация окон – я помнил все это слишком хорошо, чтобы сейчас, расхаживая по отвратительному чавкающему тюку, мог подыскать хоть какое-нибудь объяснение чудовищной метаморфозе. Помнится, против кровати были даже поставлены напольные часы с маятником, и на мой вопрос, к чему именно с маятником? – ведь во время невесомости часы будут обязательно останавливаться либо ломаться, – кто-то из ястребов-пердунов ответил, что не та эта техника, чтобы ломаться, что не совсем это часы и что маятник их не совсем маятник, да и, вообще, сказать по совести, сами они не очень-то понимают всю эту «ерундистику».

Для того чтобы добраться до следующего люка, мне понадобилось бы куда-нибудь убрать тюк, но я не видел, как это возможно сделать. Я промок до нитки. На какое-то время я вообще перестал понимать, где нахожусь. С потолка падали холодные капли конденсата, стены были покрыты ржавчиной. Ногами я мог чувствовать неравномерные уплотнения в податливых недрах тюка, как если бы начинка его была

переложена чем-то твердым. Пахло плесенью.

Вскарабкавшись обратно в предбанник, я уселся на краю дыры и пересказал Юлии все, что видел внизу. Она молча смотрела на меня, наматывая веревку на пальцы. В мыслях моих по-прежнему царил разброд, и за неимением лучшего, подобно наказанному ребенку, у которого отобрали хорошие игрушки, а оставили старые да поломанные, я всерьез возился с рассуждением о том, что было бы, попытайся я открыть люк штатным порядком, а не возьмись за пилу.

Наконец, отложив веревку, Юлия поднялась в кабину. Послышались звуки включения и выключения радиостанции. Она проверяла связь. Связи не было. Я же, продолжая свое *рассуждение*, всерьез оценивал возможность обнаружения за проклятым люком не того, что за ним обнаружилось, и не того, посреди чего я находился, а того, чего я *ждал* тут увидеть. Мое решение воспользоваться пилой как будто сводилось к неверному выбору направления: нужно было идти налево, а я пошел направо, и вся недолга. Плюнув, я поднялся вслед за Юлией в кабину. Тут я увидел, что она наряжается в скафандр, однако поначалу ничуть не удивился и даже подал ей рукав, в который она не могла попасть рукой.

– Постой! – С глаз моих как будто упала завеса, я рванул рукав обратно к себе. – Да ты что делаешь? Ты что?

– Ничего, – ответила Юлия и ждала, пока я отпущу рукав. – Еще немного, и я лопну.

Не понимая, я продолжал держать рукав, и она вытащила

его из моих пальцев:

– Или покажешь, где туалет?

Я и думать забыл, что скафандры оборудовались канализационными коллекторами. Минуту погодя, перебравшись в командный отсек, я последовал примеру Юлии, тоже принялся облачаться в скафандр. Система удобная, что и говорить, и все-таки к этим портативным удобствам я отношусь сдержанно, принцип «все свое ношу с собой», по-моему, тут реализуется слишком буквально. Однако скафандр натолкнул меня на неожиданную мысль. Я решил, что добраться под тюком к люку будет возможно в невесомости.

Юлия, сколь ни странно, поддержала меня.

Каково же было наше удивление, когда поначалу компьютер отказался выключать двигатели, а затем отказался передавать управление на ручной привод. И это уже было нечто много похуже тюка. Всякий раз на дисплее появлялось одно и то же сообщение красным: «Некорректная попытка ввода». В режиме диалога машина повела себя не менее загадочно.

Вопрос: «Что значит «некорректная попытка ввода»?

Ответ: «Ввод некорректных данных».

«Как ввести данные корректно?»

«Введите данные, которые не создавали бы конфликта в программе».

«Как выключить двигатели?»

«Введите команду «остановить двигатели».

«Но эта команда и расценивается как некорректная».

«Введите команду „остановить двигатели“ корректно».

В общем, заколдованный круг. Меня начинало трясти.

Юлия попыталась формулировать вопросы иначе (она даже обращалась к этой железяке на «вы»), однако с теми же результатами. Компьютер не хотел ни слышать, ни слушаться нас. На вопрос: «Почему нет радиосвязи?» – ничтоже сумняшеся электронный чинуша отвечал, что радиостанция работает штатно. Различий между понятиями «радиосвязь» и «радиостанция» для него не существовало. Но я уже хотел винить в подобных огрехах не компьютерную программу, а некий умысел. С тем я и полез в узел связи. Ничего я там не нашел и только лишний раз подивился неимоверной, нечеловеческой сложности электронной начинки корабля. Юлия, верно, подумала, что я что-то отыскал, а я просто глядел в джунгли схем и не мог отвести от них глаз.

В этом полупомраченном состоянии я еще несколько раз возвращался к компьютеру, набирал ничего не значащие команды, затем спускался на тюк и пытался протиснуться между ним и стеной – зачем? Во мне словно бы высвобождалась энергия косного механизма. Не зная еще, как соединить концы с концами посредством рационального рассуждения, я пытался соединить, стащить их простым механическим действием. «Кабина – предбанник», «компьютер – тюк», – я забивал себе в голову эти противоположения, как гвозди, уже, однако, мало рассчитывая на то, что что-то прояснится. До-

бился я немногого: клавиатура компьютера оказалась загажена грязной водой и на ней стал западать клавиш ввода.

В одиннадцать часов по бортовому времени освещение в кабине переключилось на ночное. Тут я понял, что страшно хочу спать, прямо-таки валюсь с ног. На Юлию убавление света подействовало тем же образом, сказывался жесткий трехлетний режим. Устраиваясь в креслах командного отсека, мы старались не говорить о том, что было сейчас у нас у каждого на уме. Для этого мне пришлось пуститься на страусиную уловку – я задраил люк в предбанник. Юлия прижалась ко мне и быстро уснула. Динамик радиостанции был включен на минимуме громкости, и со временем ровный, потрескивающий шум его стал чудиться мне шумом воды.

*

Во сне я услышал сверчка и загадочную фразу, которую хорошо запомнил: «Наиболее слабые места у человека наиболее защищены. Человек – машина, работающая в реальном времени». Затем был обрывок пасторального лужка с клевером и маргаритками, затем на этом лужке – никак, однако, не менявшемся внешне – стало происходить нечто ужасное, он стал поворачиваться по часовой стрелке и рябить. Затем я проснулся.

Ночное освещение все еще было включено. Юлия лежала ко мне спиной. Будто не спал, я легко вспомнил и то, где нахожусь, и почему я в кабине, а не в бытовом отсеке, и почему

сбоку от меня жесткая, поскрипывающая туша скафандра. Было начало шестого. Я смотрел в потолок и думал, почему сон про подвальную братию, приснившийся мне перед стартом, оказался пророческим сном. Выходит, было нечто, мимо чего спокойно двигался мой разум, но что подмечало мое подсознание – подмечало и пыталось предупредить меня?

Масштабность Проекта (вот так, с большой буквы), чего греха таить, поначалу пугала меня. Бюджет его, ставший уникальным не только в силу колоссальной стоимости, но и потому, что имел собственное прозвище – «десять в двенадцатой», «10^{12}», – еще задолго до своего утверждения сделался предметом крупнейших скандалов последнего времени. Впрочем, для того чтобы худо-бедно ориентироваться в политических, финансовых, военных и прочих его аспектах, нам с Юлией, точно золотым рыбкам в аквариуме, пристало бы выпрыгнуть из аквариума, выйти из Проекта. Но, думаю, и в этом случае разобраться, что к чему, было бы непросто. Ведь нам пришлось бы выбирать между сторонниками Проекта и его антагонистами, между лагерями, оба из которых, в свою очередь, делились внутри на бесчисленные комитеты, инициативные группы и тому подобные клубы по интересам. Яблоком раздора, конечно, тут был «десять в двенадцатой». Только если апологеты Проекта старались задвигать обсуждение финансовых вопросов на второй план, противники поднимали эти вопросы на копья. У последних, как обычно, было больше доводов – в смысле за-

гибания пальцев, – на какие программы и кому можно было бы отдать столь большие деньги. С трибун они вопрошали в том духе, какого черта дался облет Юпитера, когда на Земле проблем лопатой не перекидать. В ответ сторонники Проекта замечали, что с подобным подходом мы до сих пор бы селились в пещерах, и американцы, не будь дураки – этот аргумент всегда был последним, как бы второстепенным, – давно готовят свой полет.

Почему я сейчас вспомнил об этом? Потому что мы с Юлией сегодняшним, вернее вчерашним, стартом ставили точку в дискуссии. Старт был Рубиконом, за которым оппоненты делались если не партнерами, то, по крайней мере, одни могли с чистым сердцем говорить, что мосты сожжены, а другим оставалось только разводить руками. И еще я вспомнил об этом, потому что «десять в двенадцатой» был нашей страховкой от любой неожиданности. Увы: страховка оказалась действительной только на время *до* старта, на время, когда, скажем, ответственного за состояние парка спецтренажеров (а это чин не ниже полковничьего) могли уволить за потрескавшуюся краску на центрифуге. Антитеза «потрескавшаяся краска – предбанник» витала надо мной назойливой конструкцией, от которой я избавился весьма оригинально, а именно: кощунственным допущением, что на стартовой площадке сейчас имели место быть массовые экзекуции техперсонала. Господи, и что только не придет в голову.

Поднявшись, я взглянул в иллюминатор и едва мог удержаться от возгласа недоумения и досады: Земли уже было не видно. Теперь это была не Земля, а лишь крупная звезда, одна среди многих. Чувство, овладевшее мной, вряд ли поддается описанию. Присев к стене, я глядел в потолок и, точно помешанный, покачивался взад-вперед. Я думал, что это недоразумение, что Земля должна лететь с нами и что даже соответствующий пункт записан в контракте.

Во мне с этого момента словно бы закрутилась неисправная рулетка – при всей спонтанности воспоминаний она отдавала предпочтение дурнейшим.

Зато практически сразу тут обнаружилось нечто.

Я знал, что за Юлией волочился один из начальников Центра предполетной подготовки, полковник. История эта тянулась с год, пока я не заметил, как Юлия выбрасывает в мусорную корзину букет маргариток, и не обратился с заявлением к руководству Проекта. Полковника из Центра подготовки убрали тот же час, но можно представить мое изумление, когда неделю спустя я увидел его на одном из ЦУПовских заседаний в генеральском мундире. Был тут и другой вопрос: почему Юлия сразу не дала отставку нахалу? Ни о чем таком я никогда не спрашивал ее – последовавшее происшествие на авиабазе отбило у меня охоту вообще расспрашивать ее о чем бы то ни было, – однако сейчас разговор шел не о нашем достоинстве, а о жизни нашей.

Поэтому я разбудил ее и сразу, без вступлений, спросил

о полковнике.

Еще не придя в себя, она хотела что-то сказать, но лишь поглядела вокруг и вздохнула. Мне пришлось повторить вопрос. Тогда, уже злясь, она сказала, что не отвадила полковника, потому что с первого же дня, как взялся ухлестывать за ней, он не переставал намекать на то, что знает о Проекте нечто такое, чего ей никто больше не скажет. И что он сильно рискует и хочет, чтобы она поняла его правильно: несмотря на то, что она ему нравится, ухаживанья его в то же время не что иное, как отвлекающий маневр для его противников в Центре. Чем бы все это в конце концов обернулось, помимо крохотных букетов, которые он совал ей в конспекты, она сказать не берется, ибо тут возник я со своим заявлением – полковника, за исключением того случая на аэродроме, она больше никогда не видела.

– Но почему ты не сказала мне об этом? – удивился я.

– Он говорил, ты его неправильно поймешь.

– О да! Конечно! Отвлекающий маневр! Настолько удачный, что пожалуйста: *отвлеклись* и от… Юпитера!

– Вот видишь.

– Да голову он тебе морочил, цену себе набивал.

– Тогда зачем ты обо всем этом меня спрашиваешь?.

– Затем, что после моего заявления его не только не выгнали из Проекта, но и повысили в звании.

– И какое это имеет отношение?.. – Юлия кивнула на люк.

– Не знаю.

– А я знаю: не веришь мне, вот и все.

– Хорошо. Давай рассуждать логически. Ошибиться кораблем мы не могли. Но если и ошиблись, то кораблем это не называется. Я…

– Постой. То есть как это – не называется? Что это, если не корабль?

– Я же сказал: это рассуждение.

– Это не рассуждение, а паника. Чтобы так говорить, нужны факты. Или нужно быть параноиком.

– Следовательно, – я толкнул локтем свой скафандр, – нам нужны факты.

– С ума сошел, – усмехнулась Юлия. – Он не для выхода.

Я не сразу понял ее.

– Кто не для выхода?

– Не защищает от жесткого излучения. Во-первых. И не забывай, что идем с ускорением. Это все равно, что выброситься из окна.

– А страховочный трос?

– Обвязаться им, что ли?

– В смысле?

– В смысле, что для этих скафандров и страховка не предусмотрена.

– У тебя есть другие предложения?

– Господи, делай что хочешь.

В общем, я полез-таки в шлюз.

Спускаться из наружного люка по тросу, разумеется, я

не стал, это было верное самоубийство. Я только высунулся и глядел вниз, в чудовищную, проткнутую звездами бездну. Хотя мои руки дрожали от напряжения, тяготением это не называлось, даже искусственным. Я не знаю, как это называлось. Тело мое переживало мгновенное, невероятным образом затянувшееся состояние *начала* падения. Ниже плоскости обшивки, соответствовавшей расположению предбанника и «спальни», начинался отличный от них фрагмент с покатым карнизом, расширявшийся книзу. Я едва разглядел его. В неверном свете фонарика показалась рельефная табличка с надписью: «КМТ-201У».

По моем возвращении, глядя, как я выкручиваю мокрую водолазку, Юлия поджимала рот и злилась.

– Нигде ничего подобного, – сказала она. – «КМТ-201У». Ты опять что-то напутал.

– Почему – опять?

– Возьми полотенце.

– Какие базы ты смотрела?

– Все.

Я почесал в затылке.

– Попробуй еще раз. И не с букв, а с цифр. Или даже так: по этому расширению, «201У».

– Вот. – Юлия провела мизинцем по столбцу наименований, вызванных программой поиска. – «Модуль топливный-201». – Она оглянулась на меня, мы встретились глазами. – Ты что?

Неожиданно зажглось дневное освещение.

– Новая модификация, – сказал я, щурясь от света. – Не успели внести.

Юлия глядела на меня. Я видел, как сузились ее зрачки.

– Постой. – Сдвинув ее, я тоже принялся возить пальцем по монитору: – «Модуль топливный… емкость… крепление…» То есть ты хочешь сказать, за предбанником – топливные баки?

Юлия прошлась по кабине.

– Я хочу сказать, ты ведешь себя, как ненормальный.

Беззвучно, одними губами, как псалом, я перебирал содержимое файла «МТ-201».

– Но это значит… – Приложив ко лбу кулак, я закрыл глаза. – Это значит… – То, что вертелось у меня на языке, было ужасно.

Юлия помогла мне:

– Это значит, все равно нужно забираться под тюк.

– Да, – сказал я рассеянно. – Да.

– Что – да?

Я откинулся на спинку.

– Что – да? – повторила Юлия.

– Что мы заберемся под тюк.

– Ты что задумал?

– Отключить эту штуковину. Перезапустить, значит. – Я кивнул на монитор. – Все просто.

– Ты с ума сошел?

Я заглянул под пульт. Силовые кабели проходили по алюминиевой жиле в ножке пульта. Тут же, под ножкой, была прорезь щитка. Конечно, я отдавал себе отчет, что главный компьютер корабля – не персональная машина, которую можно обесточивать на ночь. Главный компьютер работал в реальном времени, под его контролем находились реальные системы, и обновлять между ними связь было то же самое, что пробовать приставить к туловищу отрубленную голову. Но у нас не оставалось другого способа восстановить управление. Мы должны были рискнуть. Рассматривая связку кабелей, я коротко разъяснил этот план Юлии. Она только развела руками.

– Хорошо, – сказал я и разъединил кабели.

Я ждал, что погаснет свет, отключатся двигатели или еще что-нибудь в этом роде, но погас только монитор. Выждав минуту, я соединил разъемы. Похоже – обошлось. Компьютер перезагружался. И только затем я почувствовал запах. Не запах горелой проводки, а какой-то живой, приторный запах. На мониторе появилась надпись: «Поиск и проверка систем».

– Чувствуешь? – спросил я.

– Это духи, – сказала Юлия.

– Твои?

– Я серьезно. – Она провела по вентиляционной решетке пальцами. – Куда ведет эта труба?

– Не знаю.

Компьютер выдал список необнаруженных и вышедших из строя систем. Среди необнаруженных значились: двигатели первых двух ступеней, радиопередатчик, передающая антенна, три секции аккумуляторов и какие-то резонансные серверы. Среди вышедших из строя: одна буферная батарея, радиостанция, внешние температурные датчики и стабилизатор киля (?). Впрочем, «мелочи» сии меня интересовали мало. Я ввел команду «остановить двигатели» и после секундной паузы, подавившись воздухом, взмыл над пультом.

Охнув, с расставленными руками, Юлия зависла под потолком и сказала мне:

– Перестань.

– Ура, – успел ответить я ей, и только – в ту же секунду огромным плоским молотом пол полетел на нас.

Я ударился спиной о подлокотник кресла так, что хрустнуло в пояснице. Первое время, не решаясь пошевелиться, я думал, что сломал себе позвоночник. Юлия успела сгруппироваться, ее приземление вышло удачней моего. И, по-видимому, ей тоже был слышен хруст, она поспешила мне на помощь. Но когда выяснилось, что хрустнула не поясница, а крепление подлокотника, заявила:

– Балбес. – С холодным бешенством она покусывала сломанный ноготь. – Неужели ты думаешь, тебе позволят перехватить управление?

– Кто? – спросил я.

– Никто.

– Что ты имеешь в виду?

– Что нас предали.

– Кто?

– Откуда мне знать! – закричала она.

Я недоуменно молчал.

– Есть что-нибудь попить? – спросила Юлия.

Я достал ей баночку сока из посадочного НЗ. Облив руки, она оставила сок и молча уставилась на стену. Я дал ей салфетку и сам отпил пару глотков.

– Ты же сам все видишь, – сказала она. – И если мы не ошиблись кораблем, то этот… этот готовился специально для нас.

– Я не пойму: что значит «предали»? Кто? – То есть, намекая на полковника, я уже плохо соображал. Сознание мое был контужено мыслями о скорой смерти. Однако могли ли такие мысли считаться мыслями? Подобно компьютеру после перезагрузки, я не обнаруживал в себе многих свойств – здравого рассудка в первую очередь, – а обнаруживал нечто задохшееся, мертвое, как будто шарил в пустом аквариуме…

– А куда всё провалилось? И где мы будем жить? Ты знаешь, сколько у нас остается кислорода? – спросила Юлия.

– Хорошо, – кивнул я. – А кто не позволит мне перехватить управление?

– А ты перехватил его?

– Тогда кому это все нужно?

– Нам, – усмехнулась Юлия.

– Руководству Проекта? – уточнил я.

– Вот-вот.

– Американцам?

Она замерла.

Тут, как водится, меня прорвало. Я стал объяснять ей нечто баснословно бестолковое – что это смешно и дико (что?), что не для того нас готовили, чтобы после первой же неполадки (ничего себе неполадка) мы распустили сопли и что вообще мы не оправдываем доверия.

Где-то на излете сей тирады я начал соображать, что оглядываюсь по сторонам, прицеливаюсь, куда бы удрать, что уже не столько говорю, сколько задыхаюсь.

В общем, я влез в скафандр и спустился в «спальню».

Подо мной лежала лоснящаяся туша тюка. На стенах и на потолке блестела вода. Еще надеясь, что Юлия окликнет меня, я бил по стенам металлическим обрезком. Затем в моих руках оказалась дисковая пила, и я взялся кромсать тюк. Из него, точно из вспоротого брюха, полезли намокшие поролоновые внутренности. Между поролоном проскальзывали сношенные армейские ботинки, слесарные инструменты, маслянистая ветошь и еще черт знает что. То и дело с диска сыпались искры, что-то наматывалось на ось, брызжа грязной водой. В конце концов я бросил пилу, подобрал кусок поролона и вскарабкался обратно в рубку.

Юлия вздрогнула, увидев меня.

– Знаю, что ты хочешь сказать! – Я швырнул перед

ней поролон. – *Они* разворовали Проект! Замечательно! Но ты представляешь, *как* это возможно? Это все равно, что украсть Европу, океан! На нас направлены чуть не все станции слежения, и не только наши! Да и хорошо – можно купить своих, заставить их молчать, но подкупить остальных… Как, *как* это возможно, скажи?

Юлия, подобрав поролон, мяла его в пальцах. Я смолк. Мысль, что она что-то недоговаривает, уже преследовала меня неотступно. Впрочем, она всегда что-либо скрывала от меня. То, например, что с ее опустившимся Ромео они были любовниками более пяти лет.

Она еще о чем-то спрашивала меня, я что-то ей отвечал, а затем я вновь очутился на тюке, вернее, внутри него, окруженный шевелящимся хламьем, и кромсал его пилой до тех пор, пока среди жижи подо мной не показался рычаг крышки люка. Под шлемом пахло слюной, я чувствовал, какое у меня нездоровое дыхание. Я стоял на коленях перед люком и водил рукою по жиже. Ведь чего я ждал все эти годы? Пускай это покажется смешным и пошлым, но ждал я только того, что мы будем наедине друг с другом, что никто не сможет помешать нам. Вместо этого же получался какой-то чудовищный спектакль. Ее спившийся Ромео, быть может, оттого и беспокоил мое воображение, что мы были с ним не столько соперники, сколько товарищи по несчастью. Потому что в обоих случаях это была не любовь, а жалость к влюбленному (в моем случае к тому же и жалость с расчетом – лететь

должен был я, а не Ромео, этим и вычислялись все мои преимущества). «Какая дрянь, дрянь», – шептал я с ненавистью.

Так выяснилось, что я держу маховик крышки люка и поворачиваю его. И жижа убывает и пузырится.

*

Внизу, под люком, горел свет. Первое, что мне бросилось в глаза, были чистые стены. «Чистые» – разумеется, с поправкой на то, что оставил на них пролившийся поток из «спальни».

Хотя, нет. Нет.

«Бросилось в глаза» – это лишь то, на чем я мог остановиться взглядом человека, явившегося в незнакомом помещении. Я так путано это объясняю, потому что и сам хочу понять, отчего, хотя разглядел все в первое же мгновенье, не кинулся прочь от люка, а напротив, спустился по лесенке и еще долго и внимательно оглядывался кругом себя.

И почему мне «бросились в глаза» чистые стены? Они были далеко не чисты, и то, что оставила на них грязная вода, явилось только малой частью в сравнении с тем, что оставила на них кровь. Кровь не *бросилась* мне в глаза, потому что до сих пор я никогда не видел ее так много? Или, быть может, оттого что форма пятен ее оказалась настолько причудлива и неестественна? А обезображенные человеческие тела, среди которых я стоял как среди чего-то *не столь уж* необычного, которые бездумно рассматривал – чем показались они мне в первое время? Ничего этого я не знаю, не умею объ-

яснить.

Их было девять человек, все нарядно одетые и – как сказать – чистые? То есть это, конечно, не в том же смысле, что про стены, просто я видел, что эти люди – пятеро мужчин, трое женщин и девочка лет пяти с голубыми бантами и с черной смолистой массой вместо уха, – все они накануне своей смерти были участниками какого-то торжества и, надо думать, оттого и были так нарядно одеты. И еще, судя по драгоценностям на женщинах и генеральским мундирам на мужчинах (кроме солдата в парадной форме), это были состоятельные люди. Странным и необъяснимым в туалете женщин оказалось только то, что они были разуты и туфли их валялись тут же на полу вперемешку со стреляными пистолетными гильзами. На девочке были красные лаковые туфельки, и не потеряла она их только потому, что туфельки закреплялись шелковыми шнурами на лодыжках. В одном из генералов я признал пердуна из напутствовавшей нас комиссии, а в другом – полковника, на которого написал донос. У пердуна не было правого глаза и затылка. Полковник сжимал в руке пистолет, вся орденская планка на левой стороне его кителя была багрового цвета. Помрачение, владевшее мной, не мешало рассматривать нахала. Казалось, что и после смерти он угрожает кому-то оружием. Я насчитал на его теле семь ран, все в груди и в животе, и понял, что он, единственный из погибших, сопротивлялся своим убийцам. Затвор его «астры» стоял на защелке и магазин, соответствен-

но, был пуст.

Не помню, что подвигло меня к моей догадке, но я увидел, что, скорей всего, это полковник убил солдата. Значит, в расстреле участвовали солдаты? Солдаты в парадной форме стреляли в празднично одетых людей? Я пытался представить обстоятельства, в которых подобное могло быть возможно, но вместо этого отчего-то думал только про то, как полковник стреляет в солдата.

Гвардеец был еще совсем мальчишка. Он лежал навзничь в углублении в полу, в луже крови, перемешанной со слизистой дрянью из «спальни», глаза его были открыты. Полковник попал ему в горло и в щеку. Из люка в потолке еще продолжала течь вода, брызги летели солдату в лицо. Вода капала и мне на забрало. Я подался назад, нащупывая лестницу, запнулся и чуть не упал. Первой моей мыслью, внушенной непосредственно кровью, была мысль простая, угловатая до пошлости: «Что же со всем этим делать?» Впрочем, ничего большего я и думать не смел, я гнал от себя мысли, как опасных насекомых и, наперекор им, с азартом всматривался в стены, в кровавые полосы и пятна на них, вычисляя, отчего могли выйти столь замысловатые рисунки. Задачка была несложная: в силу того, что после старта невесомость и перегрузки чередовались, трупы подобно броуновским частицам двигались по отсеку. Они продолжали кровоточить, отчего кровь оставалась на потолке и на стенах. Этих людей пригласили осмотреть корабль и, зная, что «Гефест» стартует с ми-

нуты на минуту, хладнокровно убили. Экскурсией им предлагалось разрешить какие-то сомнения относительно Проекта. Уже не важно, какие. Генералы были с супругами (помимо полковника – он, видимо, догадывался, на что шел), кто-то взял с собой дочку, и, разумеется, ни у кого и в мыслях не было удивляться сопровождению вооруженных гвардейцев.

Догадки эти пронеслись в голове моей за долю секунды – время спасительного затмения моего истекало. Ощущая себя лишь в местах соприкосновения с внутренними оболочками скафандра, я поднялся по лестнице, пробил поролоновые потроха тюка и свалился без сознания где-то сбоку него.

*

Два часа, минувших после того, как я очнулся с холодным компрессом на лбу, заставили меня взглянуть на мою жену как на человека, мало или же совсем мне не знакомого. Все это время я провел в рубке, между тем как она – я не сразу мог в это поверить – избавлялась от трупов. Она появлялась в рубке, чтобы спросить, где отвертка или такой-то ключ, и я с замиранием сердца смотрел на кровь, которой были вымазаны ее пальцы. Трупы она перетаскивала куда-то на нижние палубы под «бойней», где, с ее слов, все было «нормально» и даже работал санузел. Я знал, что она кончила курс в мединституте, то есть посещала анатомический театр, но чтобы так запросто обращаться с трупами, с тем, что там было внизу – к этому я был готов еще менее, чем к самой «бойне».

Набравшись смелости, я спросил, за что убили этих людей. Она ответила всего лишь одним словом:

– Оппозиция.

Уточнять я ничего не стал.

На корабль, видимо, заманили тех, кто знал об истинной подоплеке полета и мог представлять опасность как свидетель. Отсек под «спальней» служил идеальным кладбищем для улик, ведь после старта «Гефест» был недосягаем ни для каких экспертиз и эксгумаций. Выходит, полковник, на которого я написал донос, действительно пытался помочь нам?

От люка в «спальню» веяло духами.

Я сел за компьютер и бездумно щелкал клавишами.

Руки пахли ржавой водой, я глядел на них как на что-то чужое, не принадлежащее мне. Они дрожали, и мне казалось, что это дрожат руки человека, в теле которого я заключен, будто в скафандре. Пальцы липли к клавишам, под ногтями чернела грязь.

«Как как как…» – вырастала строка на экране компьютера.

Я вспоминал Ромео, вспоминал наши совместные ужины, и с неожиданной легкостью понимал вещи, до сих пор скрытые от меня. Те очевидные вещи, разумение которых было мне не под силу, потому что я относил их насчет себя, а не насчет этого *внешнего* человека. Я, например, понимал, что присутствие Ромео на наших званых ужинах должно было дисциплинировать меня, напоминать, что при ином сте-

чении обстоятельств я мог запросто оказаться на его месте. И что, скорей всего, они с Юлией были близки и после нашей женитьбы. Если же так все и было, то это сполна объясняло другую закономерность – что до известия о гибели несчастного у нас с ней все шло гладко и мило, мы были счастливой парой. Одновременно с тем, как все эти очевидные вещи поселялись в моем сознании, входили в него подобно бесцеремонным жильцам, что-то другое отмирало, исчезало во мне навсегда. И если я пытался вспоминать Юлию, какой она была два, три года назад, то получалось, что между нею и тем человеком, который перетаскивал сейчас внизу трупы и замывал кровь, не было ничего общего. Получалось, что между двумя этими людьми вставала маленькая девочка с черной смолистой массой вместо уха, что из глаз моих шли слезы, и я глядел, как на экране растет бесконечное слово: «…ааа…»

*

К ночи у меня открылся сильный жар.

Я помню, как Юлия волокла меня из рубки вниз и как я истерически хихикал, воображая себя трупом. Мне мерещилось, будто меня хотят сжечь в печи и самое страшное заключается не в том, что я сгорю, а в том, что сжигание моего тела как-то повлияет на работу холодильной камеры, в которой Юлия спрятала трупы. Поэтому, говорил я ей, единственным местом, где можно меня сжечь, есть маршевые двигатели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.